

А.П. НАЗАРЕТЯН

Терроризм, религия и задачи современного воспитания

Человек с религиозным или квазирелигиозным (идеологическим) сознанием, делящим людей на “своих” и “чужих” легко становится объектом манипуляции, чему способствует и структура его эмоциональных установок. Основательная работа против терроризма предполагает развитие системы и методов светского воспитания, развитие критического мышления и индивидуальной ответственности.

Ключевые слова: терроризм, религия, воспитание, эмоции, мораль, совесть, мифологическое мышление, критическое мышление, осевое время.

Political terrorism today as well as before is intimately related to the religious or quasi-religious (ideological) thinking, which discriminates people in conformity with the mental pattern “them versus us”. A religiously minded person easily becomes a subject to manipulation. A thorough work against terrorism suggests developing system and methods of secular education, critical thinking and individual responsibility.

Keywords: terrorism, religion, education, emotions, morals, conscience, mythological thinking, critical thinking, Axial time.

После каждого случившегося теракта меня, как психолога, много изучавшего “жареные” события (массовая паника, агрессия, слухи и прочее), осаждают журналисты из газет, радио и ТВ с просьбой об интервью. Их интересуют оперативные приемы устранения напряженности, однако все мои попытки обсудить фундаментальные проблемы терроризма в связи с особенностями религиозного сознания из текстов интервью аккуратно вырезаются. Предлог: редактор боится конфликта с религиозными учреждениями.

Между тем изучать проблему терроризма вообще и “шахидизма” в частности относительно к религиозному сознанию – значит, заведомо закрыть путь к серьезному пониманию предмета. Замечу, что связь между мотивацией “альтруистического” самоубийства и религиозной картиной мира промоделирована не только психологами и социологами, но – по-своему – и физиологами.

В лаборатории И. Павлова проводился такой эксперимент. Голодной собаке перед подачей пищи, вместо памятных всем со школьной скамьи звончков, давали слабый удар током. Собака, привыкнув к такой последовательности, реагировала на удар тока выделением слюны и радостным вилянием хвоста. Постепенно сила тока увеличивалась, вплоть до ожоговой степени – и даже в ответ на весьма чувствительную боль собака выделяла слюну и радостно виляла хвостом...

В 1913 г. лабораторию посетил выдающийся английский физиолог Ч. Шеррингтон. Понаблюдав за этим экспериментом (автор М. Ерофеева), он воскликнул: “Теперь... стала понятна стойкость христианских мучеников!” [Петровский, Ярошевский, 1998, с. 290].

И ведь стойкость бывала не только вынужденной. В истории раннего христианства описаны эпизоды, когда толпы его приверженцев осаждали резиденцию римского наместника, умоляя бросить их на арену, на съедение голодным львам. Мучительная смерть за веру гарантировала скорое переселение души в Царство Христово, и предвкушение неземного счастья радикально изменяло валентность эмоций, связанных с раздиранием тела когтями и клыками хищников под шум улюлюкающей толпы. Переживание боли и страха окрашивалось восторженным ожиданием, превращаясь в своеобразное наслаждение.

Французский историк Ф. Арьес утверждает, что это свойство психики изменять знак эмоционального переживания в зависимости от информационного и идеологического контекста играло существенную роль в жизни средневекового христианина – жизни, пронизанной болью, страхом и смертью до такой степени, какую современному западному человеку трудно себе представить [Арьес, 1992]. В этих условиях защитным механизмом служил комплекс исковой вины, а физические мучения переживались как Божья кара и очистительная подготовка к будущему прощению. Худшей участью, свидетельством гнева Божьего считалась быстрая смерть, не предвренная страданиями и религиозными ритуалами. Кстати, по той же садомазохистской логике рационализировалась и жестокость палачей: телесные пытки и медленная мучительная казнь очищали душу грешника и повышали его шансы на снисхождение в Небесной Канцелярии...

Без сказанного выше не понять мотивацию современных “воинов Аллаха” и “героев”-самоубийц. Широковещательные заявления, будто теракты совершают приверженцы “ненастоящей” религии, тогда как “настоящая” такого не допускает, – самообман. Я много десятилетий изучаю политические технологии, имею опыт практической работы в разных странах и как профессиональный психолог готов утверждать следующее. Если перед нами не ряженный, не политик-конъюнктурщик, “пиарящий” себя со свечкой перед телекамерами на потребу доверчивым избирателям, и не философ-доброхот с рассуждениями о “трансцендентальных силах”, а человек, истинно верящий в загробный мир, то при определенных условиях *превратить его в живую бомбу – технологически элементарная задача.*

В таком отношении различия между иудаизмом, христианством, исламом и прочими религиями второстепенны. В какого именно из богов, в которую из Книг или райских картин человек свято верит – все это имеет значение исключительно с точки зрения подбора реперных точек для манипуляции. Субъект, накачанный возвышающей мотивацией Священной войны и нацеленный на скорое перемещение в мир иной (например, для воссоединения с любимым и т.д.), в ожидании смертной муки испытывает эмоциональный восторг предвкушения подобно собаке в эксперименте Ерофеевой. Предвкушение окрашивает в цвета истерической радости предстоящий разрыв тела взрывчаткой или, скажем, львиными когтями, а жизнь пары десятков неверных – вполне заслуженная ими плата за вечное счастье “шахида”. Дополнительная накачка наркотиками для окончательного блокирования инстинкта самосохранения (на что любят ссылаться комментаторы) – всего лишь вспомогательная деталь на завершающем этапе операции.

Я хочу сказать, что журналисты и аналитики зацикливаются на тактических вопросах, игнорируя стратегические задачи. По большому же счету работа против терроризма не будет эффективной до тех пор, пока она не опирается на *масштабную систему атеистического образования и воспитания.* Совершенно необходимая предпосылка для освобождения общества от терроризма и ненависти состоит в формировании с детства цельной светской картины мира, воспитании вкуса к критическому мышлению и построении на его основе нравственных принципов.

Один из мифов, навязываемых массовому сознанию клерикалами, состоит в том, что религия создала нравственность и остается ее неизменным носителем. В специальной литературе представлены исторические факты, свидетельствующие об обратном (см. об этом [Докинз, 2008; Назаретян, 1994; 2008; 2009]). Богобоязнь и упование на потустороннее вознаграждение формируют авторитарный рычаг регуляции, и эта

лукавая прагматика исключает собственно моральный выбор. Носитель мифологического мышления пребывает вне нравственного измерения: он, как маленький ребенок, психологически находится под постоянным наблюдением и не способен нарушить табу просто оттого, что всевидящее око Родителя непременно такое нарушение зафиксирует, и это повлечет за собой жестокое наказание.

Всевластье мифологического мышления было впервые частично потеснено в середине I тыс. до н.э. (К. Ясперс назвал эту эпоху осевым временем), когда одновременно на огромном пространстве от Иудеи и Греции до Индии и Китая происходила интенсивная смена социально-политических ценностей. Возможно, это было связано с распространением стального оружия, которое в сочетании с прежними стандартами поведения грозило разрушить передовые цивилизации [Берзин, 2009]. С тех пор именно там и тогда, где и когда ослабевала вера в антропоморфные небесные силы (готовые по своей воле карать и награждать), культура остро нуждалась в более тонких регуляторах поведения. Как раз в таких точках исторического пространства-времени формировались начала критического мышления, индивидуальной ответственности перед собой и людьми и интимная инстанция волевого самоконтроля.

Эту инстанцию мы сегодня называем нравственным сознанием, совестью. Сократ обозначил ее греческим словом *даймон*, Конфуций – китайским словом *жэнь*, арабские философы-зиндики (безбожники) использовали слово *инсанья* (человечность), и все они подчеркивали, что речь идет об особом качестве мудреца, свободного от мистического страха перед богами, каковой свойствен плебеям. Мыслитель X в. ат-Таухиди, отрицавший, как и его единомышленники, ценность богооткровенных религий (если принесенное пророком вероучение противоречит разуму, то его следует отвергнуть, а если согласуется с разумом, то оно излишне), подробно объяснял, почему моральные мотивы атеиста превосходят мотивы верующего (см. [Сагадеев, 2009]).

Огромный пласт истории культуры, связанный со становлением критического мышления, может служить ресурсом сохранения и развития современной цивилизации, но о нем не догадываются наши малограмотные идеологи. Предлагая ввести Закон Божий в школе, где нет времени для преподавания астрономии, они толкают страну в Средневековье. В эпоху, когда люди не знали таких слов, как терроризм, геноцид, семейное насилие или ксенофобия, потому что это были такие же обычные явления, как публичные казни, постнатальные аборт (когда родители избавляются от “лишних” или недостаточно здоровых детей), войны, массовые эпидемии и голод.

Пора осознать, что религиозные (и квазирелигиозные – национальные, классовые) идеологии всегда служили механизмом объединения людей в большие группы за счет противопоставления другим людям. Поэтому их неизменным спутником оставалась реальная или потенциальная война. Исторически востребованными были такие учения, которые обосновывали вражду к чужакам. Священные книги полны прямых указаний типа: “Кто не со Мною, тот против Меня”; “Не мир пришел Я принести, но меч”; “А когда встретите тех, которые не уверовали, то удар мечом по шее”, и т.д.

Ранние христиане, хотя ненавидели “язычников”, разрушали античные храмы, разбивали камнями статуи, убивали философов и громили рынки [Гаев, 1986], но считали использование боевого оружия грехом. Начав же смыкаться с властными структурами, они первым делом разработали концепцию священных войн, и Августин нашел достаточно оснований для этого в библейских текстах. С тех пор “никогда Церковь настаивающая не осуждала все виды войн” [Контамин, 2001, с. 311], а пацифистов не раз объявляла еретиками. В ментальной матрице “они–мы” единственный прием для пресечения конкретной войны – перенос агрессии на общего врага; этим приемом широко пользовались религиозные авторитеты. Когда же какая-либо идеология (религиозная или квазирелигиозная) охватывала своим влиянием обширные территории, она расчленялась на враждебные ереси и секты со столь же злобной взаимной ненавистью. И совсем не случайно социологи еще в XIX в. фиксировали положительную связь между религиозностью населения и распространенностью физического насилия [Ганнушкин, 1964].

На протяжении тысячелетий религии и войны играли огромную роль в сохранении и развитии общества. Религия оставалась негэнтропийным механизмом, позво-

ляющим *упорядочивать* социальное насилие, по мере возможности предотвращать его хаотические формы. Но, согласно известному из исторической социологии закону техногуманитарного баланса, развитие боевых и производственных технологий требует совершенствования средств культурной регуляции, без чего социальная система теряет устойчивость. Современные технологии поставили перед человечеством насущную задачу *устранить* физическое насилие из социальной практики, и при этом прежние механизмы (религии, идеологии) становятся контрпродуктивными, то есть чреватými эффектом бумеранга – катастрофическим ростом энтропии. Что было уместно в сочетании с мечами и арбалетами, становилось саморазрушительным для общества по мере развития порохового оружия, близким к глобальному самоубийству при ядерном оружии и баллистических ракетах, и грозит стать фатальным при нанотехнологиях, робототехнике, генной инженерии и т.д.

Как показывают специальные расчеты, уровень физического насилия в современном мире значительно ниже, чем в любой из прежних исторических эпох¹. Вместе с тем чрезвычайно возросла *чувствительность* людей к насилию, а также *социальная цена* насилия. Новейшие технологии становятся все дешевле, различие между военными и мирными технологиями размывается, а доступ к знаниям и потенциально опасным умениям облегчается. Соответственно, контроль над ними выскальзывает из рук государств и вменяемых правительств, становясь достоянием частных корпораций и компьютерных “гениев”, не обремененных социальной ответственностью или опытом системного анализа последствий, а конфликты делокализуются, и каждый, как никогда прежде, чреват глобальными последствиями.

Имея в виду небывалую доступность современных технологий, американский ученый и программист Б. Джой заметил, что век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения* [Joy, 2000]. По закону техногуманитарного баланса, внутренняя устойчивость социальной системы снижается с ростом ее зависимости от индивидуальных действий, если культура не успевает совершенствоваться механизмы внешнего и внутреннего контроля соразмерно ускоряющемуся развитию технологий. От оперативной координации этих механизмов решающим образом зависит перспектива сохранения планетарной цивилизации. В подобных условиях “религиозно-идеологический ренессанс”, возврат к давно изжитым мировоззрениям – смертельная угроза для современного мира, и многоконфессиональная Россия рискует пасть одной из его первых жертв, если ученые, художники, журналисты и педагоги не смогут эффективно противостоять засилью идеологов клерикального толка...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
Берзин Э.О. Вслед за железной революцией // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2.
Гаев Г.И. Христианство и “языческая культура” // Атеистические чтения. Вып. 16. М., 1986.
Ганнушкин П.Б. Сладострастие, жестокость и религия // *Ганнушкин П.Б.* Избр. труды. М. 1964.
Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.
Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2008.
Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по культурно-исторической психологии. М., 2008.
Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5.
Назаретян А.П. Совесть в пространстве культурно-исторического бытия // ОНС. 1994. № 5.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
Сагадеев А.В. Гуманизм в классической мусульманской мысли // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1.
Joy B. Why the Future Doesn't Need Us? // Wired. April 2000.

© А. Назаретян, 2011

¹ Уровень насилия рассчитывается по специальной формуле как *коэффициент кровопролитности* – отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения (см. подробнее [Назаретян, 2008]).